

М. Л. УРАЛЬСКИЙ

Троцкие о Горьком*

Писатели русской эмиграции «первой волны» — М. Алданов, И. Бунин, В. Ходасевич, Н. Берберова — в своих воспоминаниях не раз обращались к личности Максима Горького. Не отставали от них и публицисты, вовлеченные помимо политических баталий и в литературный дискурс. К их числу относятся два Троцких — Лев Давидович¹ и Илья Маркович², яркие исторические личности, стоявшие на крайних по отношению друг к другу полюсах российского политического спектра.

Как публицист Лев Троцкий создал целую галерею литературных портретов товарищей по борьбе: Ленина, Сталина, Луначарского, Красина и др., экспрессивных и одновременно лаконичных по форме. Кроме того им было опубликовано немало ярких критических статей о его современниках-литераторах: Льве Толстом, Глебе Успенском,

* Переработанный вариант статьи: *Уральский М.* Троцкие о Горьком: Штрихи к литературному портрету // *Новый журнал.* 2017. № 288. С. 301–323.

¹ Троцкий (Бронштейн) Лев (Лейба) Давидович (26 октября [7 ноября] 1879 — 21 августа 1940) — российский политический деятель. Разработал теорию «перманентной» (непрерывной) революции. В 1917 г. председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания. В 1918–1925 гг. нарком по военным делам, председатель Реввоенсовета Республики; один из создателей Красной армии, лично руководил ее действиями на многих фронтах Гражданской войны. Член ЦК в 1917–1927, член Политбюро ЦК в октябре 1917 г. и в 1919–1926 гг. В 1927 г. исключен из партии, в 1929 г. выслан за границу. Инициатор создания 4-го Интернационала (1938). Убит в Мексике агентом НКВД. О нем см.: *Фельштинский Ю., Чернявский Г.* Лев Троцкий. Кн. 1–3. М.: Центрполиграф, 2012.

² Троцкий (Trozki, Trotsky, Trozky) Илья (Илиаху) Маркович (Мордухаевич; 10 июня [23 июня] 1879, Ромны Полтавской губ. — 5 февраля 1969, Нью-Йорк, США) — журналист, редактор, общественный деятель, мемуарист. О нем см.: *Уральский М.* «Неизвестный Троцкий»: Илья Троцкий, Бунин и эмиграция первой волны Троцкий. М.; Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2017.

Мережковском, Бальмонте, Леониде Андрееве и др.³ Как ни странно, среди них не встречается имя Горького — литератора и, казалось бы, весьма близкого ему по духу соратника по борьбе за «освобождение рабочего класса», с которым он лично был хорошо знаком.

Впервые они встретились на V — «лондонском» — съезде РСДРП (30.04. – 19.05.1907 г.). По утверждению Троцкого инициатором знакомства был Горький, который, якобы, как-то раз в коридоре остановил его словами: «Я ваш почитатель», имея в виду памфлеты, написанные Троцким в петербургских тюрьмах. Троцкий ответил, что он также является почитателем писателя. Результатом этой дружеской беседы тогда стали новые совместные встречи, походы по достопримечательным местам Лондона⁴.

Однако в тесные дружеские отношения их знакомство не переросло. Вплоть до Октябрьского переворота, они лично, по всей видимости, не общались. По крайней мере, на Капри к Горькому Лев Троцкий не приезжал.

В досоветский период Лев Троцкий писал о Горьком только три раза — в 1900, 1909 и 1914 гг. Статья «Кое-что о философии “сверхчеловека”» (1900), несомненно, представляющая интерес для научного горьковедения, касается нищезанятия Горького. В ней Лев Троцкий доказывает, что в идейном плане между немецким философом и русским писателем-социалистом имеется немало общего:

«В нашей литературе уже несколько раз сравнивали Горького с Ницше. Сразу может показаться странным такое сопоставление, что общего между певцом самых униженных и оскорбленных, последних из последних, — и апостолом “сверхчеловека”? Есть между ними, конечно, громадная разница, но сходства между ними гораздо больше, чем это может показаться с первого взгляда. Во-первых, герои Горького, по замыслу и, отчасти, по изображению их автора, вовсе не униженные и оскорбленные, не последние из последних, — они тоже своего рода «сверхчеловеки». Многие из них — даже большинство — очутились в своем положении вовсе не потому, что они пали побежденными в ожесточенной общественной борьбе, которая раз навсегда вышибла их из колеи, нет, они сами не могли примириться с узостью современной общественной организации, с ее правом, моралью и прочим и “ушли” из общества. Во-вторых, эта группа “живя вне общества”, хотя и на его

³ *Троцкий Л.* Портреты революционеров / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский; предисл. и примеч. М. Куна. М.: Московский рабочий, 1999; Сочинения. Проблемы культуры. Культура старого мира. Т. XX. М.; Л.: Госиздат, 1926.

⁴ *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 1. Берлин: Гранит, 1930. С. 231–232.

территории и на счет его, она ищет оправдания своему существованию в сознании своего превосходства над членами организованного общества. Оказывается, что рамки этого общества слишком узки для ее членов, одаренных от природы исключительными, чуть-чуть не "сверхчеловеческими" особенностями. Тут мы имеем дело с таким же протестом против норм современного общества, какой выходил из-под пера Ницше. <...> Мимоходом заметим еще одну черту, общую названным писателям: это — уважение, которое оба они питают к "сильным людям". Горький прощает человеку всякий поступок отрицательного (даже для него, для Горького) характера, если он вызван рвущейся наружу силою. Он рисует эти поступки с такой любовью и так красиво, что даже читатель, стоящий на совершенно другой точке зрения, готов увлечься и залюбоваться "силою"... Таков старик Гордеев и некоторые другие герои Горького»⁵.

Интересно, что ницшеанство Горького, своего будущего партийного товарища, Лев Троцкий отнюдь не осуждает, а по отношению к самому Ницше, выказывает явное уважение. Более того, он особо отмечает, что из-за присущей высказываниям этого философа противоречивой амбивалентности, они, будучи «вырваны из контекста, могут послужить для иллюстрации какого угодно предвзятого положения, особенно при соответственном истолковании». Эти строки звучат как пророчество, ибо через четверть века нацисты, именно таким подлым образом препарировав труды Ницше, объявили его своим духовным предтечей, хотя философ никогда не заявлял себя ни расистом, ни великогерманским шовинистом и однозначно выступал против антисемитизма.

В декабре 1909 г. руководство российской социал-демократии было серьезно обеспокоено тем, что как западная, так и российская пресса муссируют слухи о выходе Горького из рядов РСДРП.

«Вот уже несколько дней, как буржуазные газеты Франции («L'Eclair», «Le Radical»), Германии («Berliner Tageblatt») и России («Утро России», «Речь», «Русское слово», «Новое время») смакуют самую сенсационную новость: исключение Горького из с<оциал>-д<емократической> партии. «Vorwärts»⁶ поместил уже опровержение этого вздора. Редакция «Пролетария» тоже послала в несколько газет опровержение, но буржуазная печать игнорирует его и продолжает раздувать сплетню. <...> Цель сплетнической кампании не менее ясна.

⁵ Троцкий Л. Кое-что о философии «сверхчеловека» // Восточное обозрение (1900. № 284, 286, 287, 289, от 22, 24, 25, 30 декабря).

⁶ «Vorwärts», правильно «Vorwärts!» («Вперед!») — ежедневная газета, центральный орган Социал-демократической партии Германии, издается с 1876 г. (с продолжительными перерывами) и по сей день.

Буржуазным партиям хочется, чтобы Горький вышел из социал-демократической партии. Буржуазные газеты из кожи лезут, чтобы разжечь разногласия внутри с.-д. партии и представить их в уродливом виде.

Напрасно стараются буржуазные газеты. Товарищ Горький слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира, чтобы ответить им иначе, как презрением», — гневно писал Ленин⁷.

С не меньшим апломбом ему вторил Лев Троцкий. При этом если Ленин решительно брал своего друга Максима Горького под крыло, ручаясь за него перед партией, то его соратник главным образом пропагандировал романтический образ Горького-революционера:

«Газеты <...> продолжают на все лады перетирать нелепую весть об исключении Горького из партии. <...> ...либеральные журналисты всех оттенков пошлости выносят на свет божий глубокомысленнейшие суждения о несовместимости художественного творчества с партийной дисциплиной, об инквизиционной нетерпимости марксистов и о многом другом. <...> Пламенно сочувствуют Горькому, — а из сочувствующих уст сочится ядовитая слюна ненависти к партии пролетариата. Их ненависть — у них для нее достаточные причины: она — незаконная дочь их нечистой совести...

Горький был певцом политической юности того поколения демократии, которое сознательно проделало бурную историю последних полутора десятилетий. <...> Революция не была для него историческим эпизодом, — мечом она пронзила его душу, ему уж не было возврата назад. После разгрома революции, в тот период, когда всякие приبلудные к нам поэты и поэтессы стадами возвращались на более сочные пастбища буржуазного литературного рынка, Горький остался с нами. Прекрасный талант свой он призвал на службу самому большому делу, которое существует на земле, и тем нерасторжимо связал свою личную судьбу с судьбой партии...

<...> Миллионы рабочих научились читать его на всех языках культурного мира — и гордиться им. Он работает для социализма — для того будущего, от которого нет ключей у оплаченных буржуазией либеральных привратников общественного мнения»⁸.

В последующие годы Троцкий «всячески пытался наладить добрые отношения с Горьким <...>, приблизить его к себе»⁹. В 1914 г. он,

⁷ Ленин В. Басня буржуазной печати об исключении Горького // Пролетарии. 1909. № 50, декабрь.

⁸ Троцкий Л. М. Горький и социал-демократия // Правда. 1909. № 8, 21 (8) декабря.

⁹ Фельштинский Ю., Чернявский Г. Лев Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879–1917.

например, в своей яркой, но в литературном отношении тяготеющей к примитивному социологизму, статье «К. Чуковский»¹⁰, грудью встает на защиту чести и достоинства Максима Горького, которого, Чуковский, по его мнению, выбрал как «одну большую мишень <...> для своего преследования, <ибо тот> был ему ненавистен как социалист и был ему доступен как художник»¹¹.

Возражая Чуковскому, отметившему в своем литературно-критическом анализе, что Горький, в сущности, не имеет веры, а меняет абстракции: «Сперва Горький “пел” индивидуализм, потом провозгласил анафему личности и спасение усмотрел в коллективе, в одухотворенной массе (“Исповедь”), а потом охаял будто бы массу и свою веру в нее (“Окуров”)», — Лев Троцкий горячо убеждает читателя, что подмеченные критиком особенности горьковского самовидения не есть идейные колебания, что «...на самом деле, между индивидуализмом и коллективизмом Горького глубокая внутренняя связь, и Горький изменил бы себе, если б не совершил той эволюции, в какой верхогляды усматривают одни только формальные противоречия. Горький поднял знамя героического индивидуализма, когда совершался в стране процесс высвобождения личности из глубин каратаевщины, которая не в мужике только, но и в рабочем, и в интеллигенте сидела еще страшной косной силой. Индивидуализм против «святой» безличности, против традиций и унаследованных авторитетов был огромной прогрессивной силой, и Горький психологически не противопоставлял себя народу, эгоистически не отчуждал себя от него, — наоборот, в своем творчестве он давал лишь окрашенное романтизмом выражение пробудившейся в народных массах потребности личного самоутверждения. А по мере того как индивидуализм становился в известных общественных кругах не только противокаратаевским, но и вообще антисоциальным, себялюбиво-ограниченным, буржуазно-эгоистическим, Горький с ненавистью отвращался от него, — душою он оставался с той народной личностью, которая сбрасывала с себя старые духовные путы — для того чтобы свободно и сознательно вводить себя в рамки нового коллективного творчества. Как ни резок был на вид у Горького перелом от босяцкинищеванского индивидуализма к коллективизму, но психологическая основа тут одна.

В “Окурове” Горький рисует страшную российскую всеуездную отсталость, залежи каратаевщины, социального варварства. Горький ищет — теми методами, какие имеются в распоряжении художника, —

¹⁰ Троцкий Л. К. Чуковский. Литература и революция. М.: Красная новь, Главполитпросвет, 1923.

¹¹ Троцкий Л. К. Чуковский. С. 74.

причин крушения великих ожиданий, в конечном торжестве которых он не сомневается нисколько. Тут нет ни покаяния, ни отречения, а есть нравственное и художественное мужество, которое не прячет своей веры от испытаний, а идет им навстречу. А Чуковский по этому поводу засовывает вилкой два пальца в рот и свистит и улюлюкает: Горький “клеямит свою недавнюю деятельность!” — и из-за спины поэта пытается ошельмовать все революционное движение как мещански-хулиганское...

Отвратительны по внутренней своей лживости эти злорадно-покровительственные страницы, посвященные мнимому горьковскому отречению»¹².

Горький, как и большинство художников, был весьма чувствителен и к поношениям, и славословиям в свой адрес, поэтому высокая оценка Троцким его творчества не могла, естественно, ему не импонировать. И хотя Троцкий — человек амбициозный, высокомерный, склонный к патернализму, судя по всему, в личном плане не был Горькому симпатичен, он, не сходясь с ним близко¹³, стремился в предреволюционные годы использовать его литературный талант в своих целях.

После Октябрьского переворота отношения между Горьким и Троцким стали весьма прохладными, хотя никогда не носили конфликтный характер, как в случае с Зиновьевым. Известно, что со своими просьбами Горький обращался также и к Троцкому. По большому счету «ни тогда, ни впоследствии Горький не выступал против Л. Троцкого. Напротив, он всегда давал ему самую высокую оценку <...>. Со своей стороны Троцкий платил Горькому взаимностью. Бен-Цион Кац¹⁴, со слов одного еврейского издательского работника, который присутствовал на заседании Политбюро в 1919 г., где обсуждался вопрос о сохранении издательства З. Гржебина¹⁵, фактически контролировавшегося Горьким, сообщил, что председатель ВЧК Ф. Дзержинский потребовал закрыть издательство, так как с подозрением относился к З. Гржебину. Но тут вмешался Троцкий, обвинив Дзержинского в непонимании значение

¹² Там же.

¹³ Все имеющиеся в научном обороте письма Троцкого и Горького друг к другу носят сугубо деловой характер.

¹⁴ Кац Бен-Цион (בן-ציון קאץ; 1875–1958, Иерусалим), еврейский общественный деятель писатель и издатель российских газет на иврите. После революции жил сначала в Литве, затем с 1931 г. в Эрец-Исраэль.

¹⁵ Гржебин Зиновий Исаевич (1877–1929) — русский художник-карикатурист и график, издатель. Был одним из основателей издательства «Шиповник», в 1919 г. — «Издательства З. И. Гржебина». В 1921 г. выехал в Берлин, создал филиал своего издательства и выпустил в свет часть рукописей, приобретённых у авторов в 1918–1920 гг. В 1923 г. «Издательство З. И. Гржебина» прекратило существование.

Горького для России. После выступления Троцкого Ленин прекратил обсуждение, и Горький получил необходимую поддержку»¹⁶.

В своей публицистике 1920-х годов Л. Троцкий снисходительно критикует выступления Горького против большевистского насилия над культурой. Считая, как Ленин и все остальные Вожди Революции, ее эксцессы диалектически «закономерными», он списывает все горьковские «колебания» на счет его оппортунистической интеллигентности: «марксизм <...> в противовес субъективному идеализму, опирается не на веру в разум масс, а на логику материального процесса, которая в последнем счете, подчиняет себе “разум масс”. <...> и на этом пути разбивается немало посуды, в том числе и культурной. И вот <этого> Горький не выносит. По его мысли, надлежит любоваться посудой культуры, а не бить ее. <...> Горький <...> превратился в отчаявшегося псаломщика культуры. Ах, ах, ужас и варварство! Большевики разобьют все исторические горшки, цветочные, печные, ночные и всякие иные. А Ленин отвечал ему: сколько понадобится — разобьем, а если разобьем слишком много, то вина будет на интеллигенции, которая обороняет необоронимые позиции»¹⁷.

Однако в целом Лев Троцкий в 1920–1930 гг. предпочитал не касаться личности Максима Горького. Лишь в некрологе, написанном 9 июля 1936 года — через три недели после смерти Горького, он дает нелицеприятную, разительно отличающуюся от дореволюционного дифирамба, оценку усопшему писателю: «Незачем говорить, что покойного писателя изображают сейчас в Москве непреклонным революционером и твердокаменным большевиком. Все это бюрократические враки! К большевизму Горький близко подошел около 1905 года, вместе с целым слоем демократических попутчиков. Вместе с ними он отошел от большевиков, не теряя, однако, личных и дружественных связей с ними. Он вступил в партию, видимо, лишь в период советского Термидора. Его вражда к большевикам в период Октябрьской революции и гражданской войны, как и его сближение с термидорианской бюрократией слишком ясно показывают, что Горький никогда не был революционером. Но он был сателлитом революции, связанным с нею непреодолимым законом тяготения и всю свою жизнь вокруг нее вращавшимся. Как все сателлиты, он проходил разные “фазы”: солнце революции освещало иногда его лицо, иногда спину. Но во всех своих фазах Горький оставался верен себе, своей собственной, очень богатой,

¹⁶ *Агурский М., Шкловская М.* Горький и еврейский вопрос. Иерусалим: Из-во Еврейского ун-та, 1986. С. 18.

¹⁷ *Троцкий Л.* Верное и фальшивое о Ленине: Мысли по поводу Горьковской характеристики // Правда. 1924, 7 октября.

простой и вместе сложной натуры. Мы провожаем его без нот интимности и без преувеличенных похвал, но с уважением и благодарностью: этот большой писатель и большой человек навсегда вошел в историю народа, прокладывая новые исторические пути»¹⁸.

Образ «Буревестника революции» у Льва Троцкого вполне описывается фразой «С нами, но не наш», которая, как известно, является характеристикой его собственной персоны, данной ему, по словам Горького, якобы Лениным — см. второй вариант горьковского очерка «В. И. Ленин»¹⁹. Вполне возможно, что уязвленный Троцкий, жестко критиковавший первый вариант этого очерка²⁰, в своем некрологе не удержался от сарказма и в аллегорической форме бросил камешек в огород покойника, демонстрировавшего, по его мнению «непререкаемо ясный и убедительный пример огромного литературного таланта, которого не коснулось, однако, дуновение гениальности».

Помимо Льва Давидовича Бронштейна, известного во всем мире как Троцкий, имеется еще один носитель этой звучной фамилии, причем «настоящий (sic!)» — как по рассказу свидетелей времени подчеркивал он сам²¹. Речь идет о журналисте и общественном деятеле русской эмиграции первой волны Илье Марковиче Троцком, который входит в число многочисленных знакомых Горького, оставивших о нем свои воспоминания.

К сожалению историки литературы и составители мемуарных сборников отечественной горьковианы²², все как один, игнорировали эти его многочисленные статьи.

¹⁸ *Троцкий Л.* Максим Горький // *Портреты революционеров.* С. 74–75.

¹⁹ В 1930 г. в связи с подготовкой нового Собрания сочинений Горького к нему обратился с письмом заведующий Государственным издательства А. Б. Халатов: «Вашей статьей о Ленине мы очень дорожим. Но мы просим Вас ее пересмотреть и проредактировать, учтя наши замечания. Вы знаете, как осторожно мы относимся к каждому слову о Ленине, и Вы не осудите нас за то, что мы вынуждены обратиться к Вам с этой настоятельной просьбой». Горький откликнулся на эту просьбу. В новой редакции очерк под названием «В. И. Ленин» был опубликован отдельной книгой в московском Государственном издательстве художественной литературы (ГИХЛ) в 1931 г. В нем то и появился якобы ленинский отзыв о Льве Троцком, к тому времени находившимся в изгнании: «— А все-таки не наш! С нами, а — не наш. Честолюбив. И есть в нем что-то... нехорошее, от Лассалья...»

²⁰ *Троцкий Л.* Верное и фальшивое о Ленине.

²¹ *Уральский М.* «Неизвестный Троцкий»: Илья Троцкий, Бунин и эмиграция первой волны. С. 30–33.

²² См., напр.: М. Горький в воспоминаниях современников: в двух томах / Под ред. В. Э. Вацура, Н. К. Гея, С. А. Макашина. М.: Худ. лит., 1981; Максим Горький: pro et contra: Личность и творчество М. Горького в оценке русских мыслителей и исследователей, 1890–1910 гг. / Сост. Ю. В. Зобнин. СПб.: РХГИ, 1997; Максим Горький и Леонид Андреев. Незданная переписка. Литературное наследство. Т. 72. М.: Наука, 1966.

Основной причиной подобного невнимания являлась ярко выраженная антибольшевистская позиция И. М. Троцкого и его многолетнее сотрудничество в газете «Новое русское слово», считавшейся рупором эмигрантского антисоветизма. Кроме того, Л. Д. и И. М. Троцких часто путают друг с другом, поскольку их биографические данные имеют много общего. Оба они были обрусевшими евреями, выходцами с восточной Украины, ровесниками, социалистами и публицистами, живо интересовавшимися современной литературой. В 1905–1917 гг. Троцкие обретались в одних и тех же странах Западной Европы — в Австрии (Вена), Германии (Берлин) и Скандинавии (Копенгаген, Стокгольм).

Однако на этом совпадения заканчиваются. Во всем остальном эти исторические фигуры, говоря на марксистско-ленинском слогане, — непримиримые антагонисты. Лев Давидович — представитель ультрарадикального крыла РСДРП (большевизм, затем троцкизм²³), непримиримый борец с самодержавием, вождь Октября, всю свою жизнь раздувавший пламя мировой пролетарской революции. Илья Маркович, напротив, — убежденный демократ (народный социалист²⁴), всеми доступными ему средствами старавшийся революционное пламя загасить.

Если Лев Давидович всегда позиционировал себя как *не еврей*, а космополит-интернационалист²⁵, то Илья Маркович, напротив, был именно русский еврей и русский патриот-государственник, человек двух культур, не религиозный, но остро ощущавший свою связь с еврейством и активно боровшийся за выживание своего народа в году тяжелых испытаний, выпавших на его долю. В современной литературе можно найти большое число документальных портретов известных людей этого типа — П. А. Аксельрод, М. Г. Алданов, Г. Я. Аронсон, Л. М. Брамсон, А. А. Гольденвейзер, Г. А. Ландау, Я. Г. Фрумкин²⁶, — с которыми И. М. Троцкий был знаком, сотрудничал, а то и дружил.

²³ Троцкизм // Энциклопедия «Всемирная история».

²⁴ Народные социалисты (энесы) — представители Трудовой народно-социалистической партии, созданной в период революции 1905 г. и являвшейся единственной левой партией, исключившей террор как средство политической борьбы. Имея в своих рядах видных представителей российской интеллектуальной элиты, эта партия, несмотря на свою малочисленность, в 1906–1907, 1917–1918 гг. представляла собой серьезную политическую силу. В конце 1917 г. энесы самым решительным образом выступили против большевистского Октябрьского переворота.

²⁵ По известной легенде, когда знаменитый московский раввин Яков Мазе (1859–1924) выступал перед наркомом Л. Д. Троцким просителем «за евреев», тот заявил ему: «Я — не еврей, а интернационалист». На что Мазе, якобы, ответил ему: «Революцию делают Троцкие, а расплачиваются за нее Бронштейны».

²⁶ О них см., напр.: *Солженицын А. И.* Двести лет вместе (1795–1995): в 2-х частях / Ред. Н. Солженицына. М.: Русский путь, 2001; *Будницкий О. В., Полян А. Л.* Русско-еврейский Берлин (1920–1941). М.: НЛО, 2013.

Все эти в высшей степени достойные люди в глазах Л. Д. Троцкого являлись «буржуазными ревизионистами», которых большевики охотно бы повесили на фонарях²⁷. Потому после Октябрьского переворота, который, к несчастью для России, сумели осуществить большевики под руководством его однофамильца, «энес» Илья Маркович Троцкий, так же как и все вышеперечисленные лица, посчитал за лучшее остаться на Западе

По иронии судьбы, или, как считают марксисты-ленинисты, в силу исторически обусловленной закономерности, сюда же в 1929 г. был выслан изгнанный из рядов родной партии вожьд Октября, объявленный вскоре в СССР злейшим врагом советского народа и всего прогрессивного человечества.

Илья Троцкий познакомился с Горьким осенью 1913 г. на Капри, когда, являясь берлинским корреспондентом газеты «Русское слово», приехал в гости к писателю вместе со своим патроном Иваном Дмитриевичем Сытиным²⁸.

Андрей Седых²⁹ в статье-некрологе «Памяти И. М. Троцкого»³⁰ писал: «Когда И. Сытин приехал за границу, он предложил И. М. Троцкому сопровождать его. На страницах “Нового русского слова” И<лья> М<аркович> вспоминал, как Сытин повез его на Капри к Горькому»³¹.

Однако история о поездке на Капри к Горькому была поведена Ильей Троцким задолго до Второй Мировой войны в газете «Сегодня»,

²⁷ В своей статье: Встречи с Радеком (Из воспоминаний журналиста) // Сегодня. 1937. № 28, 28.01. С. 2; Илья Троцкий цитирует высказывание этого знаменитого большевика, соратника и друга Льва Троцкого: «Впрочем, не одних только Романовых коснется меч революции. Придя к власти, мы найдем фонари, на которых повесим и Милюкова и Гучкова».

²⁸ Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) — российский предприниматель, книгоиздатель, просветитель, владелец газеты «Русское слово», журнала «Нива» и др. печатных изданий. В 1906 г. он лично пригласил начинающего карьеру журналиста И. М. Троцкого работать в его газете и впоследствии проявлял по отношению к нему неизменную благожелательность. И. М. Троцкий в своих воспоминаниях неизменно отзывался о Сытине с большой теплотой и уважением.

²⁹ Седых Андрей (наст. имя Яков Моисеевич Цвибак; 1902–1994) — русский литератор, деятель эмиграции, журналист, критик, один из признанных летописцев истории русской эмиграции, главный редактор газеты «Новое русское слово» в 1973–1989 гг. С 1919 г., жил в Берлине, Париже, Ницце и Нью-Йорке (с 1942 г.).

³⁰ Седых А. Памяти И. М. Троцкого // Новое русское слово. 1969. № 20423. 7.02. С. 1, 3, 4.

³¹ Имеются в виду след. публикации: Троцкий И. Каприйские досуги (Из личных воспоминаний) // Новое русское слово. 1966. 22.01. С. 2 и 7; 11.12. С. 3, 4; В гостях у М. Горького (Из личных воспоминаний) // Новое русское слово. 1966. № 19626. 3.12.1966. С. 3, 4; Бесконечные русские споры (Из личных воспоминаний) // Новое русское слово. 1967. 7.01. С. 5.

в статье, посвященной памяти ушедшего в тот год из жизни Ивана Дмитриевича Сытина³².

«Издательство <Товарищества И. Д. Сытина> вело переговоры с Максимом Горьким о приобретении издательского права на его первые произведения, написанные в первые пятнадцать лет. Горький запросил 450 тысяч рублей. Правление издательства уполномочило И. Д. Сытина, съездить к Горькому и лично с ним столковаться. По дороге из Москвы в Берлин <Сытин> взвесил все “за” и “против” и решил, что операция эта разорительна для издательства.

— Протелеграфируй, пожалуйста, Феде (Ф. И. Благову³³) и другим директорам, что не стоит ездить к Горькому. Все равно дела я с ним не сделаю.

Я, конечно, выполнил просьбу Ивана Дмитриевича. На следующий день получили ответные депеши из Москвы, что директора присоединяются к его мнению. И. Д. Сытин выслушал содержание депеш, встал, перекрестился на угол и начал говорить тихим таким шепотом:

— Поедем, стало быть, к Алексею Максимовичу. Хорошо сейчас на Капри...

— А что скажут в правлении?

— Неважно! Протелеграфируй, что едем. <...> Познакомишься с Горьким, посодействуешь мне в переговорах о цене и покатаешься по Италии. Только ты уж меня одного с Горьким не оставляй. Обернет вокруг пальца. Он — жох!..

Мы телеграфно оповестили Горького о дне приезда и получили приглашение быть его гостями. <...> Всю дорогу Сытин плакался, что Горький его разорит и что мы едем заключать явно убыточную сделку. <...> Полный профан в издательском деле, я в душе решил облегчить Ивану Дмитриевичу его миссию.

<...> На пристани на Капри нас встретил личный друг Горького бывший берлинский издатель И. П. Ладыжников³⁴. Завидев еще издали

³² Троцкий И. Гениальный самородок. Памяти И. Д. Сытина // Сегодня. 1934. 7.12. С. 2.

³³ Благов Федор Иванович (1866–1934) — врач-ординатор, журналист, многолетний редактор газеты «Русское слово», доверенное лицо И. Д. Сытина, которому приходился зятем. Был гласным Московской городской думы. В 1919 г. эмигрировал в Румынию, в 1922 г. переехал в Чехословакию, затем во Францию.

³⁴ Ладыжников Иван Павлович (1874–1945) — издатель, участник революционного движения конца 1890-х — нач. 1900-х гг. В 1905 г. по поручению ЦК РСДРП и при содействии М. Горького организовал в Берлине «Издательство И. П. Ладыжникова», которое выпускало марксистскую литературу, сочинения Горького и писателей группы «Знание». В 1914 г. вернулся в Россию, работал с Горьким в издательстве «Парус» и журнале «Летопись». После революции занимался в СССР книгоиздательским делом, в 1937–1943 гг. научный консультант архива Горького.

Ладыжникова, И. Д. заметно всполошился и, обратившись ко мне, снова повторил просьбу — не оставлять его одного. Мы остановились в каком-то чудесном отеле, из окон которого открывался чарующий вид на неаполитанский залив.

Покуда я приводил себя в порядок, Иван Дмитриевич и Ладыжников куда-то исчезли. Тщетно я их искал в гостинице, ресторане и парке отеля. <...> Загадка, впрочем, вскоре разъяснилась. <...> Для меня стало очевидным, что Сытин уже сидит у Горького и, вероятно, ведет переговоры о приобретении его произведений.

На веранде горьковской виллы я нашел большое общество. <...> Было шумно и весело, а прелестная итальянская осень и синие волны, шаловливо игравшие у близкого берега, располагали к интимности. Максим Горький находился, по-видимому, в отличном настроении и очень ярко и образно рассказывал разные эпизоды из своей скитальческой <...> жизни. Завтрак сменился чаем, чай — обедом и время пролетало незаметно. За ужином <...> завязался спор об индивидуализме в литературе. Один из тех специфически русских споров, когда все одновременно говорят, один старается перекричать другого, и никто никого не слушает.

Д. И. Сытин сидел все <это> время молча, с явным интересом прислушиваясь к спору, и не проронив ни слова. <...> Начали прощаться. Мы с Иваном Дмитриевичем остались последними. И вдруг случилось нечто, что на всю жизнь запечатлелось в моей памяти.

И. Д. Сытин подходит к Горькому и, подавая ему на прощание руку, говорит:

— Итак, Алексей Максимович, по рукам. Как ты сказал, так и будет. Заплатим тебе 450 тысяч. Спасибо.

Горький смутился, а я стоял совершенно растерянный.

В отель мы возвращались молча. Я внутренне досадовал на старика. К чему вся эта комедия. Зачем он отравлял мне всю дорогу в Италию причитаниями о грозящем издательству разорением? К чему просил не оставлять его наедине с Горьким? И вообще, что это за дикий подход к делам?

Иван Дмитриевич, очевидно, понимал мое настроение и, обняв меня вокруг талии, тихо сказал:

— Чего ты, милый, сердисься. Ведь Горький твой же брат-писатель. Что тебе жалко сытинских капиталов, что ли? Эх, и наживем мы на этом деле. Имя-то какое? Горький!»

Сумма авторского гонорара, обещанная Сытиным Горькому, в буквальном смысле слова *умопомрачительная*, особенно по европейским меркам³⁵. С учетом огромных тиражей, которые имел Горький в России

³⁵ Все основные европейские валюты, кроме фунта стерлингов (1£ = 9, 46 руб.) были почти в 2,5 раза слабее рубля.

и за рубежом, гонораров за постановку пьес и т. п., можно с уверенностью утверждать, что «великий пролетарский писатель» был не только самым богатым литератором Российской империи, но и одним из самых богатых в мире!

В другой, уже послевоенной статье³⁶ И. М. Троцкий дополняет свои воспоминания сюжетом, в котором присутствовавший в дачной компании Горького Анатолий Луначарский поднял тему о присуждении Нобелевских премий по литературе. По его мнению, шведы до сих пор помнят о своем поражении в Полтавской битве, а шведские слависты не могут простить Пушкину язвительных замечаний на эту тему в поэме «Полтава». Поэтому, мол-де, шведская Академия относится с неприязнью «к русской изящной литературе»: «Иван Дмитриевич, который недолюбливал Луначарского <...> внимательно его слушал. По-видимому, его заинтересовала тема о Нобелевской премии.

<...> — Мне кажется, Анатолий Васильевич, что ваша теория в части, касающейся шведской Академии, несколько хромает. Это может засвидетельствовать <наш сотрудник>, сидящий рядом со мной. Не дальше как в прошлом году он, по поручению “Русского слова”, объездил все три скандинавские страны, познакомился с тамошним литературным миром и вынес оттуда впечатления, диаметрально противоположные вашим. Он мог бы многое нам рассказать».

Далее И. М. Троцкий рассказывает, что ни в коей мере не вступая в полемику «с таким диалектиком, как А. Луначарский», он, тем не менее, позволил себе «внести поправки в его явно надуманную и упрощенную теорию». Журналист рассказал внимательно слушавшему его обществу, что ведущие шведские писатели с большим уважением относятся к русской литературе. Всемирно известный писатель Август Стриндберг — один из кумиров российской читающей публики Серебряного века, например, прямо заявил ему, что, если бы не продолжающийся скандал между ним и шведской общественностью, он «не задумался бы выступить с предложением о присуждении Нобелевской премии Горькому». И только нежелание «обрекать Горького на роль жертвы наших внутренних распрей», мол, заставляет его отказаться от этого намерения.

«Эффект стриндберговских слов вызвал никем не предугаданный отклик. Безмолвствовал и Луначарский, ничем не проявляя желаний высказаться. Только И. Д. Сытин с плутоватой улыбкой на лице глядел в сторону Луначарского, как бы желая сказать: “Ну что — получил”. <...> Вернувшись в отель, мы еще долго делились впечатлениями о проведенном вечере. Здесь, впервые И. П. Ладыжников, нарушив обет молчания, проиронизировал по адресу Сытина:

³⁶ Троцкий И. Каприйские досуги (Из личных воспоминаний).

— Повезло вам, Иван Дмитриевич, с Горьким... Вовремя успели оформить контракт по передаче вашему издательству единоличного права на печатание его произведений. Будь Алексей Максимович заранее осведомлен о своей популярности в Швеции <...> он, вероятно, потребовал бы другие договорные условия. Горький мужик умный, умеет отстаивать свои интересы.

Иван Дмитриевич как будто пропустил мимо ушей скрытый укол Ладыжникова. Однако, стоя у дверей своей комнаты перед отходом ко сну, успел мне шепнуть:

— Завидует, жадуга! Впрочем, Господь с ним! Контракт подписан и формально утвержден...»

Как мыслитель и общественный деятель Горький являлся горячим сторонником наискорейшей европеизации России. Он полагал, что посредством «великих потрясений» ее из сонной, ленивой и пьяной можно преобразовать в «царство Света и Добра».

И. М. Троцкий, также европеист, но при этом человека весьма умеренных взглядов, относился к Горькому настороженно. Писатель явно отталкивал его своим «красивым цинизмом»³⁷.

Точка зрения Ильи Троцкого на «раннего» Горького ясно высказана им в театральной рецензии, написанной после дебюта писателя в качестве драматурга на берлинской театральной сцене:

«Театральный сезон Берлина открылся драмой Горького “Последние”³⁸, поставленной дирекцией Макса Рейнхарда известной “Kammerspiele”³⁹.

Премьера у Рейнхарда — такое же событие для берлинцев, как для москвичей новая постановка в Художественном театре. Не берусь сказать, что, собственно, влекло фешенебельное берлинское общество в театр, — сама ли пьеса, или простое любопытство увидеть “живого” знаменитого писателя. Может быть, и то, и другое. Впрочем, каковы бы

³⁷ «Красивый цинизм» — название статьи Михаила Осиповича Меньшикова (1859–1918), посвященной творчеству Максима Горького (Новое время. 1900. № 76).

³⁸ Горький закончил работу над пьесой, получившей в окончательной редакции название «Последние», весной 1908 г. В «Сборнике товарищества “Знание”» пьеса появилась с цензурными изъятиями. Было изъято следующее место: «С о к о л о в а. ...Он, конечно, революционер, как все честные люди в России... С о ф ь я (повторяет, ударяя на слове «честные»). Как все честные люди? С о к о л о в а. Да. Вам это кажется неправдой? С о ф ь я (не сразу). Я не знаю». К представлению в России на сцене пьеса была запрещена Главным управлением по делам печати. В Архиве А. М. Горького хранится цензорский экземпляр с резолюцией: «К представлению признано неудобным. СПб. 10 июня 1908 г.».

³⁹ Рейнхардт (Reinhardt — наст. имя Максимилиан Гольдман) Макс (1873–1943) — знаменитый австрийский режиссер, актер и театральный деятель, реформатор европейского театра. В 1937 г. эмигрировал в США. «Kammerspiele» — Берлинский камерный театр.

ни были побудительные причины переполнения театра, публика горько разочаровалась: Горький, несмотря на присутствие в Берлине, благоразумно не показывался в театре <...>. <Сама же пьеса> — драматическое произведение, где почти отсутствует драматическое творчество, и где в одну кучу свалены политический сыск, революция, полиция и слабые намеки на высшую правду. <...> ...в ней все слишком отвлеченно, схематично и слишком мало напоминает реальную жизнь. Из каждого диалога, из каждой реплики проглядывает плохо спрятанная указка социал-демократа-«отзовиста». <...> Почему должна верить автору, заявляющему, что все русские полицейские — непременно негодяи, а революционеры — идеалисты и апостолы высшей справедливости? А в «Последних», — пьесе, символизирующей обреченное на смерть современное буржуазное общество, — именно заявляется это, притом почти без всякой аргументации»⁴⁰.

Журналист выражает сожаление по поводу выбора Рейнхардом, которого он уважительно аттестует как «берлинский «Станиславский»», именно этой пьесы Горького. Затем идет краткое изложение сюжетных коллизий в пьесе, которая, хотя И. Троцкий утверждает, что о сюжете «Последних» «в свое время достаточно говорила русская критика», была мало известна русской публике. В конце своей рецензии И. Троцкий пишет, что берлинская публика ни тематики пьесы не поняла, ни саму постановку не приняла. Более того, у него сложилось впечатление, что «исполнители дружно проваливали пьесу, абсолютно не понимая ролей. Гримм, костюмы и инсценировка оставляли желать многого. Со стороны могло показаться, будто дирекция умышленно готовила провал. — Такого умышленного неуважения к произведению Горького, конечно, нельзя ожидать от Рейнхарда. <...> Но такт и художественное чутье должны были ему подсказать, что нельзя слабое драматическое произведение отдавать дилетантам на окончательный провал».

Хотя подробное освещение темы «Горький-драматург» выходит за рамки данной статьи, представляется интересным отметить, что «Последние» популярностью в России ни до революции, ни в советское время не пользовались. Интерес к этой пьесе возник лишь в конце 1990-х гг., когда ее стали ставить ведущие российские театры. Революционный пафос пьесы при этом уже не воспринимается как нечто достойное внимания, привлекала именно «бытовуха», где жизнь предстает «огромным бесформенным чудовищем, которое вечно требует жертв ему, жертв людьми». Вот, для сравнения, характеристика пьесы из рецензии на ее постановку во МХАТе современного критика:

⁴⁰ Троцкий И. «Последние» (от нашего Берлинского корреспондента) // Русское слово. 1910. № 199. 29.08.1910. С. 5–6.

«“Последние” — пьеса мрачная, написанная с зоркой ненавистью. Ее можно было бы назвать безжалостной — если бы не страх смерти, рвущийся наружу и требующий сострадания. Половина персонажей — законченные негодяи, вторая половина — несчастные, немощные, искалеченные люди. Сказать, о чем пьеса, можно в двух словах: об отравлении подлостью. О том, как в доме сгущаются ложь и злоба; жизнь становится непереносимой: нужно остервениться, сломаться, спиться, а честнее всего — умереть. О том, как душевная нечистота утверждается в правах и отменяет будущее. В финале “Последних” мать на коленях просит у пятерых детей прощения за то, что их родила: трое ее не прощают, двое — просто не понимают, что это она так раскривлялась. <...> Назвать “Последних” спектаклем-предостережением было бы наивно, счесть диагнозом — страшно. Останемся со сказанным: даже если сделать ничего нельзя, можно не усугублять боль. Это хороший совет, не позволяющий впасть в отчаяние и губить душу»⁴¹.

По-видимому, немецкая театральная критика в 1910 г., увидела все же в этой пьесе Горького нечто большее, чем политический памфлет или «пошлейшую карикатуру» на русскую жизнь. Ее отношение к рейнхардовской постановке, оказалось, по словам И. Троцкого, «благоклоннее, нежели можно было ожидать». С некоторым удивлением отмечая этот факт, И. Троцкий, тем не менее, заявляет, что-де: «Горький — великий художник, поэт природы и певец прекрасной жизни, но очень слабый драматург и плохой знаток сцены».

Такого рода высказывание отражает бытовавшее в литературно-театральной критике начала XX в. представление, что «в своих драматических опытах “Максим Горький является всем, чем угодно, — проповедником, мыслителем, — только не художником”. <...> Концепция несценичности горьковских пьес получает в этот период широкое распространение. Подпись под одной из карикатур того же времени (Горький изображен на ней глубоко задумавшимся) гласила: “Горький размышляет после написания ‘Мещан’ — драматург он теперь или не драматург?” Не один критик начала века отказывался рассматривать новое произведение Горького “с точки зрения его литературно-художественных достоинств”, а “только как иллюстрацию к жизни”. <...> Горького называли “наименее искусным из драматургов” и в зарубежной печати, чьи дайджесты публиковали российские газеты и журналы. О <пьесе> “На дне” писали, например, следующее. “Нет более плохой драмы, более невозможного литературного произведения!” (“Der Tag”). “В общепринятом смысле эти сцены <...> нельзя назвать драматическим произведением” (“Magdeburg Zeit”). “Горький

⁴¹ Соколянский А. «Последние»: очень своевременная пьеса.

не драматург...” (“Berl. Neueste Nachrichten”). “С точки зрения искусства и эстетики это произведение стоило бы отодвинуть на задний план” (“Germania”). “Максим Горький <...> доказал самым неоспоримым образом, как мало значит техника в искусстве” (“Der Tag”)⁴².

Естественно, подобного рода представления о горьковской драматургии не могли не сыграть своей роли в формировании ее восприятия Ильей Троцким-рецензентом. Мировидение Горького базируется на извечных, онтологических составляющих человеческого бытия. Он «изображает в действительности не только социальную среду. Будто мещане, босяки, “дачники”, интеллигенты, чудачки или просто “последние”, каждый раз все вместе они — прообраз всего мира, символ человечества. — Конфликт же между ними вырастает из разности отношения к одинаково враждебному, равнодушному к ним миру — хаосу. Кто-то видит в этом мироздании норму, кто-то пытается бунтовать, но потом смиряются, третьи идут до конца. В этой общности рвутся все связи — семейные, общественные, родовые, цеховые, государственные и т.д. <...> В изображаемой общности каждый вдруг становится другому чужаком. Выломившиеся у Горького — все. Ситуация распада, ощущения человеком своей ненужности, одиночества и враждебности мира по отношению к людям формируют *трагический* фон горьковских пьес. <...> Горьковская драма — это еще и *интеллектуальная драма*. <Она> представляет собой *движение идей*, не доказательство идеи, но осмысление поставленной»⁴³.

Такого рода новаторский подход к драматургии, как и все неоднозначно явленное, воспринимался современниками с большим трудом, вызывая жаркие споры и язвительные замечания. По своим литературным вкусам Илья Троцкий был сугубый «традиционалист». Новации Горького-драматурга, которые современные горьковеды отождествляют с «жанровой разновидностью “философской драмы”», где Горький добивался синтеза «реалистической», «этико-психологической» и «символистской» линий художественного воплощения, были ему непонятны и, возможно, неприятно шокировали. Однако западными писателями-модернистами, обладавшим острым чутьем на художественные новации, например, Августом Стриндбергом, драматургия Горького ценилась не менее высоко, чем его проза. Об этом свидетельствует, в частности, и сам И. Троцкий, который в 1923 г., вспоминая о своей встрече со Стриндбергом, состоявшейся в 1911 г., поет от его

⁴² Николаева Л. Ранняя драматургия М. Горького в историко-функциональном изучении: проблема интерпретации жанра пьес «Мещане», «На дне», «Дачники».

⁴³ Николаева Л. Ранняя драматургия М. Горького в историко-функциональном изучении.

лица дифирамбы Горькому и как прозаику, и как драматургу: «Я люблю Горького. Слышал, будто в России начинают охладевать к творчеству Горького. Напрасно! У него есть бессмертные вещи. “Мальва”, “Челкаш”, “На дне” переживут нас. Горькому давно пора получить Нобелевскую премию»⁴⁴.

В более поздней статье Троцкого о Стриндберге⁴⁵ к вышеприведенным высказывания великого шведского писателя добавляется фраза с политическим подтекстом, демонстрирующая, что всегдашнее настороженное отношение И. Троцкого к социальному пафосу Горького было вполне оправданным: «Герои Горького не надуманы. Они угроза обществу и когда-нибудь его одолеют».

После возвращения Горького в советскую Россию (1929) Илья Троцкий однозначно дистанцировался от него, ибо писатель «стал самым представительным выразителем коммунизма в его глубинно-психологическом смысле <...> воспел большевицкий террор, НКВД и ГУЛАГ как *культурные явления*»⁴⁶.

Тем не менее, И. Троцкий никогда не демонизировал личность Максима Горького. Дальше отдельных саркастических выпадов в адрес «великого пролетарского писателя», чей ангажированный «наступающим классом» талант, противопоставлялся им в статьях общечеловеческому литературному гению Ивана Бунина, и иронических замечаний, касающихся поддержки, оказываемой Горькому со стороны Кремля, он, как правило, не заходил. Даже в середине 1930-х гг. Илья Троцкий все еще видел в Горьком, «великом пролетарском писателе», «основоположнике метода социалистического реализма», «близком друге Ленина и Сталина» — по утверждению советской пропаганды, всего лишь «признанного писателя», ведшего «открытую публичную жизнь». Более того, в воспоминаниях, опубликованных на закате жизни, он пишет о встрече с ним на Капри с умильной теплотой и даже слащавостью: «Атмосфера предельной непринужденности, широкого хлебосольства и простоты, царившая в окружении Горького, располагала к общению и близости. Не замечалось и тени “олимпийства” или превосходства в обращении писателя с простыми смертными. Уже один его мягкий и густой басок звучал столь приветливо и обнадеживающе, что словно ключом открывал чужие сердца»⁴⁷.

⁴⁴ Троцкий И. Август Стриндберг (Скандинавские воспоминания) // Дни. 1923. № 232. С. 9.

⁴⁵ Троцкий И. Встреча со Стриндбергом // Сегодня. 1929. № 179. С. 3.

⁴⁶ Парамонов Б. Пантеон: демократия как религиозная проблема // Конец стиля. М.: АГРАФ, Алетейя, 1997. С. 186–187.

⁴⁷ Троцкий И. Бесконечные русские споры (Из личных воспоминаний).

Немаловажную роль в неизменном наличии у И. М. Троцкого некоей «положительной составляющей» по отношению к личности Горького, без сомнения, играет факт филосемитизма писателя⁴⁸. Так, например, 1900 г. под редакцией Горького вышел сборник «Погром». В нем резко осуждался воинствующий антисемитизм и подчеркивалось, что погромы позорят русский народ. В сборнике вместе с Горьким приняли участие и другие известные русские писатели и ученые, в т. ч. один из наставников Ильи Троцкого на литературном поприще, ныне незаслуженно забытый С. И. Гусев-Оренбургский⁴⁹.

Без сомнения, И. Троцкий, будущий автор статьи о еврейских погромах в годы гражданской войны⁵⁰, не мог не знать об активных, звучавших на всю Россию, антипогромных компаниях протеста, инициированных Горьким. Но при всем этом, то доброе, что делал Горький людям после Октября 1917 г., включая защиту еврейства, воспринималось в глазах русских эмигрантов, в т. ч. и евреев-интеллектуалов типа И. Троцкого, не более как неуклюжая попытка заглядить свои грехи. Большевицкая ангажированность писателя, активно участвующего в пропаганде кровавого сталинского режима, делала его фигуру антипатичной и враждебной всему русскому Зарубежью.

С особой остротой подобного рода отношение к Горькому со стороны русской эмиграции проявилось в период борьбы за «русского Нобеля» в начале 1930-х гг. Собственно говоря, именно Илья Троцкий своими статьями⁵¹ инициировал компанию по присуждению Нобелевской премии по литературе Ивану Бунину. Имея старые связи в интеллектуальных кругах шведской столицы, он активно лоббировал в кулуарах

⁴⁸ *Уральский М.* Филосемит всяя Руси // Горький и евреи: по дневникам, переписке и воспоминаниям современников. СПб: Алетей, 2018. С. 344–506.

⁴⁹ Гусев-Оренбургский Сергей Иванович (1867–1963) — русский писатель. В 1893 г. стал сельским священником; в 1898 г. сложил с сан и полностью посвятил себя литературной работе. Большое влияние на него оказали знакомство с М. Горьким и участие в сборниках «Знание», где были опубликованы лучшие его произведения. В 1921 г. писатель эмигрировал в Харбин, а в 1923 г. переселился в США. Подавал прошение о возвращении на родину, но ответа от советского правительства не получил. Жил и умер в Нью-Йорке.

⁵⁰ *Троцкий И.* Еврейские погромы на Украине и в Белоруссии. 1918–1920 гг. // Книга о русском еврействе (1917–1967) / Под ред. Я. Г. Фрумкина, Г. Я. Аронсона и А. А. Гольденвейзера. Нью-Йорк: Союз русских евреев, 1968. С. 56–69.

⁵¹ *Троцкий И.* Оскорбленная литература (По поводу Нобелевской премии) // Сегодня. 1929. № 319. 17 ноября. С. 3; Получат ли Бунин и Мережковский Нобелевскую премию (Письмо из Стокгольма) // Сегодня. 1930. № 360. 30 декабря. С. 5; *Уральский М.* Память сердца: буниниана Ильи Троцкого // Вопросы литературы. 2014. № 6. С. 345–377; Еврейские друзья и покровители Бунина // Бунин и евреи: по дневникам, переписке и воспоминаниям современников. СПб.: Алетей, 2018. С. 123–215.

Нобелевского комитета кандидатуру Бунина⁵², основным конкурентом которого являлся Максим Горький. Лоббистская активность И. Троцкого по сути своей носила «просветительский» характер. Он открывал для влиятельных шведских интеллектуалов художественную значимость творчества Ивана Бунина, который в отличие от Максима Горького не обладал всемирно громким литературным именем.

Выступая в поддержку кандидатуры Бунин, Илья Троцкий высказал в печати общее мнение русской эмиграции и шведского литературного истеблишмента по отношению к Горькому: «Пресмыкательство Горького перед большевиками оттолкнуло от него не только друзей, но и поклонников его таланта. <...> ...там, где социальный заказ доминирует над общечеловеческими идеалами и идеализмом, не может быть речи о выполнении воли основоположителя фонда. Позиция Горького исключила его из списка кандидатов на премию»⁵³.

После победы Бунина И. Троцкий в цикле статей, посвященных событиям бунинской «нобелианы», не без сарказма писал о «поражении Москвы», приложившей в 1933 г. немало усилий, в т. ч. и на высшем дипломатическом уровне, чтобы Нобелевскую премию по литературе получил Горький⁵⁴.

Смягчив со временем, свою неприязнь к Горькому-большевику, Илья Троцкий, рисовал в статьях-воспоминаниях 1960-х гг. его литературный портрет в очень мягких, доброжелательных тонах. Например: «Собеседник он был непревзойденный и слушать его можно было без усталости. Люди, события, вещи словно оживали под его красочным словом, овеянным внутренней взволнованностью. Он не рассказывал о пережитом и виденном, а показывал их... — Поражали глаза Горького, расширявшиеся и вспыхивающие, будто автомобильные фары. Мастер рассказа он был исключительный»⁵⁵.

В другом месте Илья Троцкий, рассказывая о реакции Горького на его заявление, что, мол, Стриндберг считает его достойным Нобелевской премии по литературе, особо акцентирует внимание читателя на язвительные горьковские замечания в адрес Леонида Андреева: «— Сознаюсь, что не слышал мнения Стриндберга о моем творчестве... Не скрою и того, что охотно принял бы лавры лауреата. Быть носителем

⁵² Уральский М. Нобелевские дни Ильи Троцкого: «Буниниана» (1933) // «Неизвестный Троцкий»: Илья Троцкий, Бунин и эмиграция первой волны. С. 337–373.

⁵³ Троцкий И. Получат ли Бунин и Мережковский Нобелевскую премию (Письмо из Стокгольма).

⁵⁴ Всего, начиная с 1918 г., Горький был 5 раз номинирован на нобелевскую премию. См.: Марченко Т. В. Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; München: Bohlau Verlag, 2007. С. 196–251.

⁵⁵ Троцкий И. В гостях у М. Горького (Из личных воспоминаний).

Нобелевской премии — честь большая не только для ее избранника, но и для народа, который он представляет. Это — в общем. В частности, лично я благодарен судьбе за вспыхнувший конфликт между Стриндбергом и Гедином⁵⁶, предотвративший выдвижение моей кандидатуры в лауреаты... Будь я — Горький, обличен премией Нобиля, факт этот, может, стоил бы жизни одному из ныне здравствующих русских писателей, чье имя я не в праве назвать. Он не скрывает жажды мировой славы, искренне убежденный, что с его уходом из жизни в мировой литературе останутся считанные имена, и в том числе Шекспира и его.

В кого Горький метнул острую стрелу осуждения русская общественность узнала лишь в первые годы советского лихолетья. Это был Леонид Андреев, скончавшийся в эмиграции в 1919 году, в прошлом интимный друг Горького»⁵⁷.

Постоянное стремление Горького как бы между прочим, но обязательно пнуть брата-писателя из своего окружения, отмечено, не только Илей Троцкий, но и мемуаристами свидетелями времени. Например, о Сергее Ивановиче Гусеве-Оренбургском, долгие годы работавшем с ним бок о бок, его последователем и во многом учеником⁵⁸, он в предреволюционные годы отзывался очень почтительно: «Это глубокое существо. Как некий омут»⁵⁹. Через двадцать лет он, немало сумняшась, обзывает ничем его не обидевшего писателя «хитрым попом»⁶⁰.

Что ж, реальный Максим Горький — «беспокойный и противоречивый человек»⁶¹ — был при всем том «личность безмерная, неохватная»⁶²,

⁵⁶ Гедин (Hedin) Свен Андерс (1865–1952) — шведский путешественник, географ, журналист, писатель, график, общественный деятель, пользовавшийся огромной популярностью и авторитетом в Швеции.

В ходе яростной публичной полемики Стриндберга со Свенем Гедином общественное мнение было на стороне последнего и как личность Стриндберг в начале 1910-х гг. считался в Швеции персоной нон грата. Кроме того, Гедин входил в состав членов Нобелевского комитета, поэтому номинирование Стриндбергом кандидатуры Горького подверглось бы, как полагал шведский писатель: «уничтожающей критике влиятельных поклонников Свен Гедина. К чему же обрекать Горького на роль жертвы наших внутренних распрей» (Там же).

⁵⁷ Троцкий И. Каприйские досуги (Из личных воспоминаний).

⁵⁸ С. И. Гусев-Оренбургский посвятил Горькому повесть «Страна отцов» (1904), снискавшую в свое время большой читательский успех.

⁵⁹ Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка // Лит. наследство. Т. 95. М.: Наука, 1988. С. 958.

⁶⁰ Электронная библиотека. С. И. Гусев-Оренбургский: www.imwerden.info/belousenko/wr_Gusev.htm

⁶¹ Спиридонова Л. А. Настоящий Горький: мифы и реальность. Н. Новгород: ООО «БегемотНН», 2016. С. 12.

⁶² Басинский П. Горький. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 440.

поэтому-то в своих статьях-воспоминаниях Илья Троцкий в отличие от своего псевдооднофамильца избегает давать ему характеристику *ad hominem*. Однако скорее всего он вполне разделял мнение Вл. Ходасевича, с которым был лично знаком и который на сей счет писал: «Великий поклонник мечты и возвышающего обмана, которых, по примитивности своего мышления, он никогда не умел отличить от самой обыкновенной, часто вульгарной лжи, <Горький> некогда усвоил себе свой собственный “идеальный”, отчасти подлинный, отчасти воображаемый, образ певца революции и пролетариата. И хотя сама революция оказалась не такой, какую он ее создал своим воображением, — мысль о возможной утрате этого образа, о “порче биографии”, была ему нестерпима. Деньги, автомобили, дома — все это было нужно его окружающим. Ему самому было нужно другое. Он, в конце концов, продался — но не за деньги, а за то, чтобы для себя и для других сохранить главную иллюзию своей жизни. <...> Сознал ли он весь трагизм этого — не решаюсь сказать. Вероятно — и да, и нет, и вероятно — поскольку сознавал, старался скрыть это от себя и от других при помощи новых иллюзий, новых возвышающих обманов, которые он так любил и которые, в конце концов, его погубили»⁶³.

⁶³ Ходасевич В. Горький (2) // Некрополь. М.: Вагриус, 2006. С. 400.